

И опять словно падение.

Он вспомнил мрак, вспомнил бездонные глубины космоса, в которых как будто бы оттринули, изничтожили все сущее, уменьшили до крошечных несуществующих кусочков, а его самого словно разобрало на уровне атомов, дабы потом воссоздать и перековать в меч Таноса.

Вот он кричит, а странный смертный его успокаивает. Но в следующую секунду он вновь просыпается, а в помещении все поменялось. На нем странная одежда - чужая и слишком большая, - а запястья по-прежнему оплетают тонкие шнуры, могущественные и невидимые, переплетенные с его магией. Старк говорил, что они не навсегда. Когда-нибудь ему вернут магию.

Раньше он уже слышал такие слова.

В молодости Локи было несколько столетий, когда в качестве наказания за его шуточки, за его доверие к женскому искусству Один связал магию молодого принца. И тогда Локи выучился бою с посохом и метанию кинжалов, выучился уворачиваться от атак Тора, чтобы избежать ударов, пользуясь преимуществами размеров и гибкости своего тела.

А язык его стал злым и безжалостным.

Тогда Локи узнал свое истинное оружие - колкости и манипуляции словами. Переиначить, исказить смысл, запутать и раздавить.

И вот он здесь, на полу в своей камере, а странный Мидгардец опять вводил код на пульте управления.

- Локес! - позвал Старк, стремительно пролетая расстояние от двери. - Я вырываю тебя из этого притона! Держи, надень это, на улице очень ярко.

Люди носят странные вещи, решил Локи. Глаза Старка прикрывала красочно расписанная конструкция с темными линзами внутри. Такую же он принес и для Локи, а также вещь странной формы, которая, согласно заявлению смертного, является шляпой.

Локи подавил дрожь, надевая предмет на голову. Старк вместе с Роджерсом стоял в открытых дверях камеры Локи; Капитан выглядел встревоженным и явно испытывал чувство неудобства, переминаясь с ноги на ногу и пряча руки в карманах плиссированных синих брюк. Локи подумал, что солдат выглядит довольно забавным, словно Капитан слишком быстро проглотил незрелый фрукт и теперь не знает, как справиться с горьким послевкусием.

- Значит, увидимся в башне? - кивнул Старк Роджерсу, хватая Локи за локоть.

- Эмм, да. Я, наверное, прокачусь с Романовой.

- Спасибо, Кэп, знал, что ты поймешь! - Старк выволок Локи из комнаты и повел мимо оперативников Щ.И.Т.а, носящих свои пушки как значки чести, мимо Фьюри, который оскалился, когда Старк отсалютовал одноглазому человеку самым что ни на есть небрежным способом.

И вытащил наружу, на солнечный свет.

Локи прищурился за темными линзами, осторожничая, чтобы ослабевшие конечности не подогнулись, пока он следовал за Старком, пока гений заталкивал его в машину и устраивал на сидении. А после он перегнулся через безвольное тело Локи, чтобы застегнуть ремни безопасности (словно он, Локи, был хрупким, смертным и слабым).

А он и был хрупким. Смертным. И слабым.

Это была короткая и благословенно тихая поездка, все время которой Локи провел, наблюдая за суетливым темпом, в котором жил город вокруг них. Везде, куда бы ни посмотрел, он мог увидеть следы нападения Читаури, иногда просто в виде стройки, где зияющее отверстие на торце здания производило впечатление, что мидгардский транспорт оторвали от земли и протащили сквозь верхние этажи. Были самодельные усыпальницы с двумерными изображениями, как Локи мог предположить, умерших мидгардцев, окруженные цветами и свечами, а иногда и развалинами, оставшимися после битвы, которые просто отодвинули в сторону.

А еще там были тысячи и тысячи людей, которые проживали свои повседневные жизни. Люди в оранжевых и желтых жилетах и в шляпах, управляющие тяжелыми механизмами и кранами, устраняющие тот ущерб, который нанес этому миру Локи, и не обращающие внимания, что причина этого разрушения едет через их город рядом с одним из его наиболее знаменитых жителей.

Локи удивился неистовой боли в боку - не это ли вкус вины.

С этого угла, да еще и с улицы под ней, башня выглядела по-другому. Локи не смог задержать взгляд на посадочной платформе дольше, чем на миг, прежде чем горло наполнила желчь, и ему пришлось отвернуться. Форма площадки была другой, закругленной; больше не зазубренная линия через горизонт.

- Сюда, Бэмби, - сказал Старк.

И Локи последовал за смертным, не заботясь, куда его несут ноги.

Пентхаус тоже стал другим (и Локи дивился тому, как все поменялось в Мидгарде за такое короткое время, как город продолжал двигаться дальше, как люди растеклись по нему и жили своей жизнью, словно в их ежедневной рутине ничего не изменилось).

Теперь этаж пентхауса был не таким открытым как раньше, появилось дополнительное отделенное пространство и узкая лестница, ведущая на второй этаж. Без бремени портала, нависающего сверху, окна от пола до потолка казались больше, чем помнил Локи. Теперь там было два лифта, один, как сказал Старк, их личный (какое-то время Локи должен жить на том же этаже, что и Старк), а второй вел на этажи, где жили остальные Мстители. Локи вздрогнул, когда Старк упомянул второй лифт, хоть тот и поторопился заверить его, что в отсутствии Старка остальные не смогут попасть в пентхаус. Он и сам позабыл, что другие Мстители переехали сюда, чтобы тоже присматривать за Локи.

И Старк оставил Локи там, в его комнате в пентхаусе, приходить в себя. Ему выделили комнату с большой кроватью - матрас на вкус Локи был слишком удобным, - примыкающей ванной комнатой и шкафом с пустыми деревянными полками, который растянулся от стены до стены.

Локи присел в углу, рядом с окнами, без которых не обходилась ни одна стена пентхауса. Город внизу шевелился словно муравьиный рой, и он наблюдал, как, оставив его на обочине, мир продолжал вращаться.

Снаружи было прохладно, прохладнее, чем по его воспоминаниям было в Мидгарде. Однако, солнце, словно яростный маяк сияющее над окнами пентхауса, было ярким и теплым; Локи как кот скрутился в собственном солнечном луче, притянув ноги к груди и уронив подбородок на колени.

И он сидел там, в своем солнечном пятне, пока солнце не зашло, а небо снаружи не потемнело. И его плечи трясло от страха, а внутренности скручивались в тугие узлы, пока город, простирающийся под ним, загорался огнями - и желтыми, и белыми, и зелеными, и красными, а ничтожные смертные так и сновали туда сюда, как муравьи, проживая свои жизни до тех пор, пока лупу не вернут и не повернут под таким углом, чтобы...

Он уже больше не меч. Но какая польза Мидгарду от высохшего оружия?

За окнами вновь показалось солнце, и Локи заморгал от блеска, от белого света, достаточно высоко поднявшегося над горизонтом, чтобы хлынуть через край платформы и мгновенно ослепить Локи.

- Сэр спрашивает вас, не будете ли вы так любезны съесть ту еду, которую он вам оставил, мистер Одинсон.

- Не называй меня так, - отрезал Локи, губы шевельнулись неуклюже, как будто в первый раз за несколько недель. От внезапного движения заныла челюсть, и он вспомнил чувство этой сухости раньше, когда Иной...

Локи задохнулся от накатывающих волнами воспоминаний, угрожающих погresti его под собой, и где-то далеко-далеко услышал, как ИИ Старка зовет его по имени, а потом почувствовал, как завибрировал пол, когда по нему пронеслись стремительной походкой. На

плечо легла теплая рука, с осторожностью стараясь не прикоснуться к лединисто-синему яду, расползающемуся по рукам Локи, а голос твердил его имя.

И Локи успокоился, но так и не пошевелился.

Старк, в конце концов, ушел сам.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2048414>